

Василий Щепетнев

Арехин в Арктике

16+

Василий Павлович Щепетнев

Арехин в Арктике

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67973639

SelfPub; 2023

Аннотация

Подвиги Арехина продолжают! Теперь он выполняет особо важное задание уже как спецгент большой тройки – Ленина, Троцкого и Дзержинского. Читатель также узнает, когда и при каких обстоятельствах великий шахматист познакомился с вождями пролетарской революции.

Содержание

1	4
2	23
3	40
4	56
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Василий Щепетнев

Арехин в Арктике

1

– Гражданин Арехин! Гражданин Арехин! – подбежавший обыватель хотел схватить его за руку, но в последний момент передумал. Может, случайно, а, может, что-то почувствовал.

– Что вам угодно? – стараясь не раздражаться, ответил Арехин.

Его застали посреди улицы, на солнцепёке, и Арехину это не нравилось. Ни солнцепёк, ни то, что к нему обращается совершенно незнакомый человек.

– Вы должны помочь! Нет, вы просто обязаны помочь! – незнакомец картинно размахивал руками, словно артист, представляющий местечкового брадобрея во второразрядном водевиле. И одет соответственно, одна австрийская кепка чего стоит, трофей империалистической войны.

– Хорошо, но давайте пройдем в тень, – Арехин подошел к скамье, стоящей под деревом.

Незнакомец шёл рядом, забегая вперед и заглядывая Арехину в лицо. На вид ему было лет шестьдесят, шестьдесят пять.

– Что я могу для вас сделать? – спросил Арехин, сев на скамью.

– Не для меня, не для меня! Для человечества! Для всего человечества! – незнакомец чуть не пустился перед Арехиным в пляс.

– Хорошо. Для всего человечества. Простите, но с кем я имею честь разговаривать? – Арехин решил и сам подпустить водевильного духа. Иногда юмор может сделать то, что не под силу вежливой строгости. Тем более, строгости грубой.

– Я – Каннинг. Павел Каннинг. Ассистент Константина Эдуардовича Циолковского.

– И что, по-вашему, я способен сделать для всего человечества?

– Освободите Циолковского! Как можно скорее! Константин Эдуардович не создан для тюрьмы!

– Простите?

– Вы должны освободить Циолковского! Само пребывание его в тюрьме есть величайший позор России, но если он погибнет... Если он погибнет, последствия будут самые чудовищные!

– Присядьте, пожалуйста, – спокойно сказал Арехин. Спокойствие заразно, хотя и в меньшей степени, нежели возбуждение.

Каннинг нехотя сел по левую руку от Арехина. Уже зацепочка. По правую руку садятся обычно люди логики, по ле-

вую – люди чувства.

– Вы хотите сказать, что Циолковский сейчас в тюрьме?

– Как будто вы этого не знаете? – вопросом на вопрос ответил Каннинг.

– Не знаю, – невозмутимо подтвердил Арехин. – Более того, я и о самом Циолковском знаю крайне мало. В гимназии, помнится, читал повесть о человеке, волшебным образом попавшем на Луну. Автором значился Циолковский. Если вы говорите о нём, то этим мои знания и ограничиваются. А другие Циолковские мне неизвестны вовсе.

Вопреки ожиданиям, Каннинг тоже ответил спокойно (действует, действует!):

– Константин Эдуардович – человек исключительно скромный и предельно деликатный. Он автор не только книги о Луне, которую вы изволили читать в гимназии. Он автор целой вселенной. А если проще, приземлëнное, что ли, Циолковский разработал способ путешествия между планетами и звездами, при этом исправив законы Ньютона. Но и это не столь важно. Главное – он узнал о существах других миров, существах, способных и желающих покорить наш мир, если уже не покоривших его. И вот теперь он в тюрьме...

– В тюрьме? Из-за существ других миров? – не удержался Арехин.

– И очень может быть, – печально ответил Каннинг.

– И где же его содержат?

– Содержат? Милое слово. Как в зоологическом саду: кормят, поят, чистят, лечат... Его держат в тюрьме на Лубянке.

– Кстати, тюрем у нас больше нет. Есть домзаки, специзоляторы, допры, трудколонии, в общем, много чего есть. Но тюрем нет. Запомните на будущее.

– Запомню, – сказал Каннинг, но видно было, что стараться не станет.

– Циолковского содержат в следственном изоляторе Лубянки?

– Именно так.

– Тогда почему вы обращаетесь ко мне? Я к Лубянке отношения не имею.

– Разве? Но вы ведь знакомы с Дзержинским?

– Не близко.

– Знающие люди посоветовали обратиться именно к вам.

– Кто эти знающие люди?

– Я не могу назвать имена. Но их доводы таковы: Циолковского обвиняют в передаче белогвардейцам чертежей металлического дирижабля. А вы, как мне сказали, недавно занимались чем-то, связанном с дирижаблями. Металлическими. Потому вас и порекомендовали.

– Вот как? – Алехин задумался. Дело о чугунном дирижабле было засекречено, но – какие секреты сейчас? Что знают двое, знает весь мир. Или, по крайней мере, Павел Каннинг. Пожалуй, нетрудно догадаться, кто порекомендовал его Каннингу. Капелица, кто ж ещё. Без всякого подвоха,

от чистого сердца. Хочет помочь собрату по науке.

– Ничего обещать не могу, – наконец, ответил он. – Если Циолковский – враг революции, то...

– Он не враг, не враг, – перебил Каннинг, вновь охваченный волнением. – С чего бы ему быть врагом? Он её, революцию, считает способом освободиться от гнёта догмы. И всячески приветствует.

– Приветствует – это хорошо. Но как быть с чертежами дирижабля, переданными белогвардейцам?

– Цельнометаллического дирижабля, – уточнил Каннинг.

– Цельнометаллического, – согласился Арехин.

– Идея цельнометаллического дирижабля не представляет секрета. Напротив, Константин Эдуардович обнародовал проект и взял патенты в России, Германии, Великобритании и Франции. Давно, ещё в начале века. В царское проклятое время, – поспешно добавил Каннинг, – когда революция казалась делом далеким... очень далеким... Да вот оно, описание, вот, – он сунул Арехину невзрачную брошюру.

Арехин оглядел её и спрятал в карман.

– Тогда что же Циолковский передал белогвардейцам?

– Ах, боже мой... Не белогвардейцам, а военлёту Красовскому. Вполне себе красному, извиняюсь за каламбур. Тот пообещал содействовать постройке дирижабля на благо Красной Армии. А потом либо попал в плен, либо просто переметнулся к белым. Но как может Циолковский отвечать за поведение военлёта-перебежчика? Нет, нет, помеще-

ние Циолковского в тюрьму, то есть в специальный изолятор, есть или ошибка, или намеренное желание свести в могилу величайшего учёного России, оставить революцию без изобретений, способных обеспечить полную победу трудящихся над гидрой контрреволюции, – последнюю часть Каннинг говорил, как заученное. Верно, надеялся убедить кого-то словами. Да хоть и его, Арехина.

– Полная победа, это, конечно, замечательно. Но, повторяю, к Лубянке я отношения не имею, и уж тем более у меня нет возможности освобождать кого-то по собственному усмотрению.

– Вы хотя бы попытайтесь. Чтобы не мучиться всю оставшуюся жизнь от сознания вины за напрасно потерянную жизнь.

Арехин даже отвечать не стал. Провинциальное красноречие исчерпало свои возможности не вчера и не позавчера.

Он поднялся со скамейки и, кивнув Каннингу, пошёл по дорожке мимо Патриарших прудов. Никаких обещаний он не дал и давать не собирался. При случае, впрочем, он поинтересуется, в чем дело, и если окажется, что реальной вины за Циолковским нет, тогда... Но сейчас ждало другое. Благодаря Каннингу время пролетело незаметно, и приближался назначенный час. Он миновал переулок, шагнул в проходной двор и вышел на улицу Командарма Миронова, бывшую Старокупеческую. Хорошо бы, подумал Арехин, ещё и будущее название знать, поскольку Командарм Миронов долго

не продержится. Вряд ли.

Сейчас, в полдень, улица походила на собаку, спящую под жаркими лучами. Настолько недвижна, что и не понять сразу, жива ли, нет. Хотя на иных улицах и пробивались ростки новой экономической политики, открывались лавки и магазины, но здесь, на улице Командарма Миронова, люди не топились. Присматривались. Совслужащие были, как и полагается, на службе, а обыватели прятались от жары кто где. Ни дворников, ни милиционеров. Ничего, пройдет пара месяцев, люди поверят, что НЭП всерьёз и надолго, тогда-то и расцветут торговля, ремесла и всяческие искусства, важнейшим из которых для нас будет искусство балаганное. По крайней мере, Ленин так и говорил в прошлую встречу. Синема, цирк, куплетисты, панч-журналы в частности и панч-журналистика в целом.

Он шёл, чувствуя, как пот пропитывает одежду. И свет, и жара мешали ясно мыслить, а мыслить неясно Арехин не любил. Вот придет вечер, а за вечером ночь, тогда и наступит время анализа. Сейчас же важнее другое: прийти в условленное место в условленное время.

И то, и другое близились неотвратимо. Особенно время. Со временем шутки плохи, проходных дворов у времени нет. Или все-таки есть? Вдруг да и можно, изловчась, оказаться в июле четырнадцатого? Или, чего уж там, поменяем цифры местами, в июле сорок первого? Но в будущее не хотелось совершенно, хотя многие люди, не обделённые ни трезвым

умом, ни здоровой памятью, считали, что тогда уж, через двадцать-то лет, Россия будет если не райским садом, то культурным парком во всяком случае. Возможно, хоть и сомнительно. Но будет ли в России сорок первого года место для Арехина? Время такое, сегодня утром ты живой, гладко выбритый, одеколоном пахнешь, а к вечеру, глядишь, и того...

Условленное место выглядело просто: чайная с вывеской, изображающие самовар и баранки, над которыми рублеными буквами выписано название. «Красный самовар». При этом «самовар», судя по виду, сохранился с царских времен, а «Красный» написали синей краской. Какую смогли найти, той и написали.

Жаль, что Ленин настаивает на конспирации: куда приятнее было бы подкатить с ветерком. Фоб и Дейм любят быструю езду. Но конспираторы Фоб и Дейм никудышные, вот и идёт он обыкновенным ходом. Со стороны – обычный старорежимный человек из недорезанных: чесучовый костюм, шляпа-канотье и очки с тёмными до антрацитовой черноты стёклами на носу. Врезать бы буржую по очкам, сбить шляпу, потоптаться на ней, да жарко. Пусть пока идёт.

Городской пролетарий, что отдыхал перед чайной под деревом, лёжа на боку и подперев голову левой рукой (а правой доставал из фунтика семечки и неторопливо, вдумчиво лузгал их, стараясь сплюнуть шелуху так, чтобы не попала на одежду), лениво смотрел на Арехина, и хотел он топтаться на шляпе, нет, Арехин не знал. Очень может быть, что

этот пролетарий – секретный агент, поставленный, вернее, положенный следить, ведётся ли за Арехиным наблюдение, не тянется ли за ним хвост.

Он вошёл. Внутри – две худенькие гражданки, перед которыми стояли стаканы с морковным чаем. Что ж, для почти-на можно и морковный.

Одна из гражданок, по виду – молодая большевичка (было в большевичках нечто, отделявшее их сразу и от барыnek из бывших, и от трудящихся, но малосознательных работниц), подошла к нему.

– Вы пришли пить чай?

– Да, если у вас есть «Липтон»

– «Липтон кончился, но могу предложить «Раджу»

– Согласен и на «Раджу».

Произнося условленные фразы, Арехин старался выглядеть естественно и невозмутимо, но морковный чай и общая убогость заведения выдавал несуразицу диалога, уместного в шестнадцатом году, но не сегодня. Похоже, пароль с той поры и сохранился. Хорошо, хоть никто не слышит.

Большевичка взяла Арехина за руку и повела в дальний угол. Там за перегородкой было особенное место, для чистых гостей. Он сел. Большевичка ушла. Пришёл половой и молча, ничего не спрашивая, поставил перед ним стакан чая и блюдце с двумя сушками. Поставил – и тут же ушел.

Арехин понюхал. Ну, не «Раджа», но вполне терпимый чай. Значит, поторопился он высмеивать большевичку.

Урок.

Он услышал шаги – медленные, пришаркивающие. Знакомые.

Арехин поднялся:

– Здра... – он осекся, заметив, как Надежда Константиновна прижимает палец к губам.

– И тебе не болеть, Мишенька, – с деланным весельем ответила она. – Давно не виделись, ты, поди, и забыл свою тётю Клаву?

– Как можно, тётенька, – после секундной запинки ответил Арехин.

Вид Надежды Константиновны той запинки стоил: одета она была как провинциальная тетушка из мещан, принарядившаяся по случаю поездки в столицу. Ярко-зелёное платье с рюшечками, розовая шляпка с вуалью, сложенный кисейный зонтик в руках. Для того, чтобы узнать в этом наряде Крупскую, постороннему одного усердия мало. Тут нужен профессиональный взгляд. Опытные филеры частью уничтожены, частью разбежались, и только малая их доля служит новой власти. А филеров новых, большевистских, пожалуй, Надежда Константиновна проведёт. С её-то опытом конспирации. Хотя... Хотя если за ней следят всерьёз, то уж как-нибудь найдут специалиста потолковее. Под стать объекту.

– Мне мятного чаю, голубчик.

Голубчик принес зеленоватый чай, но пахло ромашкой, а

не мятой.

Надежда Константиновна вида не подала. Или ей было всё равно.

– У нас мало времени.

Арехин промолчал. Если мало, то каждое слово может оказаться лишним. А ему сказать пока нечего.

– Володя занят чрезвычайно. Каждая минута на счету. Недостатка в секретарях, помощниках всякого рода нет, напротив, вздохнуть свободно и то трудно. Но много бестолковщины. Потому встретиться с тобой, Алек... Мишенька, он сейчас не может. Но у него есть к тебе поручение. Очень важное.

Арехин только наклонил голову – мол, весь внимание.

– Не знаю, заметил ты, нет, но люди стали меняться – она посмотрела в лицо Арехину. Пришлось снять очки.

– Всё меняется, и люди тоже, – ответил он, решив, что тётенька ждет ответа.

– Это-то понятно, но люди обыкновенно меняются поодиночке и в разные стороны. А тут – вместе и в одну. Все и говорят схоже, и пишут схоже, и даже выглядят схоже. Отъелись, раздобрели. Но беда не в том, что раздобрели, конечно. Даже не в том, что всяк норовит в вожди пролезть. Беда в том, что партия размывается, как песочный куличик под морскими волнами.

– Испытание властью, – тихо сказал Арехин.

– Вероятно, не без этого. Но есть и что-то другое.

– Что-то?

– Именно. Непонятное. Володя хорошо знает людей, без этого он никогда бы не стал тем, кем он есть сейчас. И сейчас он чувствует: многие товарищи находятся под серьёзным влиянием. Влиянием сильным и необъяснимым.

– Чьим влиянием?

– В этом-то и вопрос. Никого, обладающего требуемой волей, возможностями и авторитетом на виду нет, – она взяла чашку и стала пить травяной чай. Теперь его очередь.

– Но что ожидают от меня?

– Взгляда со стороны. Вы, Александр, вне системы, или почти вне системы (Надежда Константиновна, похоже, забыла, что он сейчас Миша). Непременно что-нибудь, да и заметите. Тогда срочно сообщите. Прямо Ильичу.

– Но ведь я, как вы верно заметите, вне системы. А отсюда, извне, не очень-то и видно даже крупных деталей, не говоря уже о мелких.

– Конечно, это непросто. Но ведь и вы – человек непростой. Придумаете что-нибудь. А Володя вам поможет.

– Как?

– Получите особое поручение, которое даст повод выйти на самый верх Совнаркома. А там вы уж сами.

– Хорошо. Я это сделаю, – сказал Арехин.

– Мы не сомневаемся, – ответила Крупская. – Я уйду первой.

Встав из-за стола, она добавила громко:

– Рада была повидаться с тобой, Мишенька. Надеюсь, ты наведишь свою тётю.

– Непременно навещу.

Дождавшись ухода Надежды Константиновны, Арехин первым делом вернул на нос очки. Хотя и были занавески на окне, но слабенькие. А солнце светило люто.

Затем он вернулся к чаю, обдумывая поручение Крупской. Ну да, как же, нужно Владимиру Ильичу мнение стороннего верхогляда! Тут в другое дело. Но в чём?

На середине чашки пришла мысль, что ничего верного сейчас не придумаешь. Возможны самые разные варианты, например, он, Арехин – отвлекающая жертва. Глупый медвежонок, посланный за мёдом на пасеку, истинное назначение которого – выманить на себя пчёл. Вот и Надежда Константиновна назвала его Мишей. А возможно и совсем другое, о чём он даже не догадывается. Развитие событий покажет.

Он допил чай и расплатился.

– Скоро, говорят, будут настоящие деньги, – сказал половой, забирая совзнаки.

– Кто говорит?

– Сюда важные люди ходят. Начальники, комиссары, большевики.

– Тогда готовь чай получше.

– Как только, так сразу, – спокойно сказал половой. – На настоящие деньги и чай настоящий будет. А так – откуда ж

его взять? В Китае-то совзнаки никому не нужны.

– Вы, случаем, до революции в университете не преподавали? – спросил он экономически грамотного полового.

– Никак нет, бог миловал. С третьего курса отчислили, в девятом году. За неблагонадёжность и участие в беспорядках.

– А теперь? Благонадёжны?

– Теперь я и слова-то такого не выговорю – благонадёжность.

Выйдя из чайной, Арехин огляделся. Пролетария под деревом не было. Под деревом теперь сидел опрятный старичок на складном стульчике, сидел и читал газету. Что они, по старому учебнику слежки работают? В четырнадцатом году такой старичок был вполне к месту, но сегодня...

Он подошел поближе.

– О чём пишут, папаша?

– Обо всём, сынок, обо всём. Радио, пишут, придумали для продуктов. По радио в голодающие районы будут доставлять продовольствие. Такое вот изобретение, – из-за толстых стёкол на Арёхина смотрели внимательные глаза. Нет, с таким зрением агенты наружки не бывают. Или не бывали прежде, а сегодня очень даже запросто?

– Осталось изобретение до ума довести, а там просто: положил в ящик, скажем, фунт крупы в городе Москве, покрутил ручку, как у телефона, и из такого же ящика где-нибудь в Калужской губернии крупа тут же появляется. Главная за-

гвоздка, чтобы она, крупа то есть, тут, в Москве была.

— Калужская губерния к голодающим больше не относится, — машинально сказал Арехин. Положительно, на солнце-пёке глупеешь.

— Ну, в какую другую губернию. В России губерний много. Злоехидный старичок. Пожалуй, подлинный. И газета свежая. Или так филигранно работают?

Арёхин покачал головой, то ли соглашаясь со старичком, то ли не соглашаясь, и двинулся дальше. Интересно, в самом деле пишут об этом, или старик всё выдумал? Газета была из новых, «Труд», число сегодняшнее, а вот текста о перемещении продуктов с помощью радио он не заметил.

Тихие, спокойные кварталы сменились бойкими, торопливыми. Вроде и прошёл немного, а будто в другой город попал. Или в другое время. Такова Москва, состоящая из десятков городков, сёл и деревенок. Проглотил город окрестную деревеньку, думает — переварил, встроил, а она и век спустя живёхонька. И лица оригинальные, и ремёсла, а часто и собственные тайны, которых постороннему знать не надобно.

Вокруг него сновали люди занятые, всяк смотрел прямо перед собой, не отвлекаясь на остальных. Один тащил тележку, нагруженную узлами, а что в тех узлах, лучше и не представлять. Другой нёс на плече лестницу-стремянку, а в другой руке — ведро с побелкой, из которого торчала изляпанная ручка кисти. Третий шёл с чайником, видно, с кипятком,

так как шёл хоть и торопливо, но осторожно. Четвертый же, Ванька Сирий, парень лет двадцати пяти, был налегке, и дружелюбно смотрел по сторонам: не избавить ли кого от груза, желательно часов, бумажника или даже сумки с вещами. Но народ был настороже, часы на виду не держал, если даже и имел. Не царское время. Вот Ванька встретился взглядом с Арехиным, если можно встретиться взглядом с человеком в тёмных очках. Посмотрел оценивающе: ага, бывший, да ещё из тех, у кого и часы, и бумажник очень даже могли сохраниться. Как пережиток. Ванька приблизился и споткнулся, на мгновение прислонившись к Арехину, после чего пути их вновь разошлись. Зайдя в подворотню, он осмотрел добычу – простенький кошелек, да не пустой: внутри была сложенная вчетверо листовка общества борьбы с воровством «Живи трудом!» Ванька выругался. Впрочем, сегодня кое-что он все-таки успел наработать, разве нет? Он засунул руку в карман – и ничегошеньки не нашёл. Ни серебряных часов, ни портсигара, хотя и деревянного, но полного папирос, ни своей собственной бонбонетки с марафетом. Положим, бонбонетка была не вполне своя, но марафет – несомненно. Выбежав из подворотни, Ванька посмотрел вслед Арехину, спина которого виднелась в отдалении. Хотел было догнать, но чутьё, пару минут назад сыгравшее с ним дурную шутку, на этот раз не подвело, и он развернулся и пошёл подальше от типа в тёмных очках. С таким связываться – себе дороже. Поди, из тузов. Ничего, перебьёмся. Он, собственно, и не

марафетчик, а так, балуется. До вечера можно и потерпеть, а к вечеру он что-нибудь наработает.

Ванька пошёл дальше, стараясь приободриться и развеселиться: кураж для дела полезен. И тут его взяли под руки два серых до незаметности типчика.

– Пан пройдет с нами, – сказали они слаженно. По виду – тряхни, посыпятся, но трясти не хотелось. Хотелось повиноваться.

Он и повиновался.

Типчики завели Ваньку во двор, затем в подвал. Безропотно спустившись по ступенькам, он позволил провести себя вглубь, в темноту.

– Что ты, пся крев, взял у пана в тёмных очках? – опять хором спросили типчики.

– Подманку. Пустой кошелёк.

– Покажи, – они отпустили Ванькины руки. Тут бы и рвануться на волю, но он покорно полез за кошельком, который не выбросил просто из злости.

– Вот, – протянул он кошелек, не зная, кому вручить, левому или правому.

Взял тот, что слева.

– А что ты передал пану?

– Ничего не передавал. Тот сам взял... кажется, – поскольку Ванька подумал, что и часы, и портсигар, и марафет могли пропасть и раньше. Отчего-то хотелось ответить предельно точно.

– Так что тебе, холера, кажется? Что взял пан?

Ванька перечислил свои потери.

– Откуда это у тебя?

– Часы и портсигар снял с фраеров, а марафет купил. У Розы Михайловны купил. За свои.

– Своего у тебя ничего нет, не было и теперь уже не будет, – парочка переглянулась.

Не понравились Ваньке те переглядки. Совсем не понравились. Он даже подумал, что пропал.

Но пропал не он, а странная парочка. Буквально пропали. Исчезли, как только он моргнул. Тихо и незаметно исчезли. Как и появились.

Странные эти залётные. Под поляков косят, но ни разу не поляки, он поляков знал, у него в детстве был приятель поляк, – думал Ванька, пробираясь к выходу мимо шмыгающих вдоль стен подвала крыс. Выбравшись же на залитый солнцем двор, он твердо решил переменить судьбу. Жаль, кошелёк с листовкой потерялись в подвале. Возвращаться искать не хотелось совершенно. Ну, ладно, если ещё раз подобное случится, тогда уж точно... переменит. А зачем он вообще полез в этот подвал? И вообще, где он? Что делал с утра? Нет, марафет – зло. Недолго в дурачка превратиться.

Он простоял во дворе до вечера, забывая день, месяц, год, адрес, фамилию, слова... Вечером сердобольные люди отвели Ваньку в больницу блаженной Марфы, по-новому лечебницу имени Первой Конной армии, где Ванька прожил ещё

четыре дня, забывая есть, пить, двигаться, а под конец и дышать.

– Дело, конечно, поганое, но ничего невероятного в нём нет. Подобных дел у нас дюжины, и как-то справляемся, – Дзержинский говорил неторопливо, будто не его поджимало время тех самых дюжин дел, а он поджимал время.

– Тогда зачем вам я, Феликс Эдмундович?

– Вы с Владимиром Ильичом давно виделись? – задал встречный вопрос Дзержинский.

– Месяца два тому назад.

– Это его идея – привлечь вас к расследованию. Очень недоволен Владимир Ильич случившимся.

– Но без меня вам было бы проще?

– Людей не хватает. Каждый на счету. Потери несём. Случай международный, деликатный. Так что Владимир Ильич, по обыкновению, прав. Как раз на вас дело. Немецким вы владеете, да и другими языками тоже, в Германии и Швейцарии бывали. Главное – вы знаете, когда следует говорить, а когда стоит и промолчать.

Арехин и промолчал, доказывая правоту Дзержинского.

– Обстоятельства таковы, – продолжил Дзержинский, видя, что его поняли хорошо. – Для лечения наших товарищей у швейцарской фармацевтической компании «Багейтер» были куплены препараты на значительную сумму. Очень значительную. Три миллиона рублей золотом. Заказ был выпол-

нен, груз доставлен, но выяснилось, что вместо лекарств нам подсунули толчёный мел, глину, сахарную пудру и раствор обыкновенной соли. Тех, кому было поручены закупки, арестовали и допросили. Ничего выяснить не удалось: клянутся чем угодно, что к обману непричастны. Ну, а граница, она граница и есть. Отсюда, из Москвы, разглядеть ворьё трудно. Однако необходимо. Оставить безнаказанным подобное мы не можем, не хотим и не должны. Не только деньги тому причиной, хотя три миллиона золотом сумма колоссальная. Более денег важен авторитет нашей власти. Необходимо дать понять: любая попытка обмануть нас даже на рубль ничем хорошим для обманщиков не кончится. Напротив, кончится плохим. Очень плохим. А уж если речь о миллионах!

– И я, если выявлю виновных...

– Не если, а когда. Выявите, сообщите обстоятельства, а уж дальше мы решим, как с ними поступить. Разумеется, неприкосновенными личностями для вас они не являются. Повернутся события так, что придется действовать самому – действуйте. Любое действие оправдано, лишь бездействию нет оправданий, – Дзержинский подвинул в сторону Арехина папку, одну из многих на столе. Но прежде, чем Арехин успел к ней прикоснуться, продолжил:

– Казалось бы, факт покупки лекарственных препаратов не должен быть тайной.

Арехин опять промолчал.

– Но ведь раздуют, растрелят буржуазные писаки: голода-

ющая Россия тратит миллионы на пороки своих вождей!

Арехин оставался невозмутим.

– Вам бы в покер играть, Александр Александрович. Ладно, проблема не в лекарствах, а в конкретных лекарствах. Среди заказанного – новейшее средство лечения люэса. Очень дорогое. Закуплено немало, хватит, чтобы вылечить пятьсот товарищей или около того.

Арехин и глазом не моргнул. То есть он, конечно, моргал, но в обычном ритме, не зависящем от услышанного.

– И ещё кокаин. Собственно, основная стоимость партии как раз приходится на кокаин. В отличие от буржуазии, принимающей снадобье из пресыщения, для нас кокаин – способ день за днем работать по шестнадцать, а то и по двадцать часов. Порой совсем без сна. Сам я обхожусь чаем, но на всех чаю не напасёшься. У меня уходит унция в день, и запасы тают. Да и не всякий может распивать чай на службе. Чаю хотите? – спросил он вдруг.

– Потом, – сказал Арехин. – Когда разберусь с лекарствами. И с деньгами. И с людьми.

– Тоже верно, – согласился Дзержинский. Рука его по-прежнему держала папку, словно он не решился, давать её Арехину, или нет.

Оба молчали.

На улице занимались строевой подготовкой. Шагали нечётко, как новобранцы. Вероятно, в самом деле новобранцы. И пели не бодро, а тоскливо:

«Товарищ Троцкий
С отрядом флотских
Нас поведет
На смертный бой!»

– Слова придётся подправить, – сказал вдруг Дзержинский.

– Слова?

– Подвели нас флотские. Крепко подвели.

– Вы полагаете, что события в Кронштадте связаны с пропавшей кокаином? – Арехин чувствовал, что пришло время говорить. Когда ещё представится случай.

Дзержинский застыл. Прошла секунда, вторая. Глаза Феликса Эдмундовича смотрели недвижно, куда-то за спину Арехина.

– Jeszcze jeden? Po prostu umarł? Ani kul, ani noża? I bez świadków?

С каждым мгновением он говорил тише и тише, говорил это не Арехину, а тому, кто стоял за его спиной. Только за спиной у Арехина никого не было.

Слова стали слипаться, переходя в вязкий неразборчивый шёпот. Затем и он стих. Дзержинский то ли уснул с открытыми глазами, то ли забылся. И есть ли разница?

Прошла минута, другая. Арехин не шевелился.

На пятой минуте Дзержинский вздрогнул, потянулся к

графину, набрал в ладонь воды и так, ладонью и освежился.

– Устаю, Александр. Всё-таки устаю. Чай – необходимость. И кокаин для товарищей – тоже. О чём то бишь мы? Кронштадт... Мысль интересная, но никаких связей между Кронштадтом и лекарствами мы не выявили. Должен признаться, и не искали.

– Если поискать?

– Вам решать. Если попадутся в Швейцарии или рядом мятежники, спрашивайте. Хотя вряд ли попадутся.

– А здесь...

– Здесь вы живых мятежников не найдете. Товар скоропортящийся, ничего не осталось, – Дзержинский смотрел на Арехина, оценивая реакцию.

Нечего оценивать. Никакой реакции.

Дзержинский подвинул папку прямо к Арехину.

– Тут всё, что нужно для вашей поездки. Материалы по делу. Паспорт. Полагаю, лучше всего вам выехать под предлогом подготовки к международному турниру. Совершенно естественно, не так ли? Хотя я, как вы, Александр, понимаете, вам не начальник и не указчик. Мне поручено Владимиром Ильичом ввести вас в курс дела и оказывать всевозможную помощь.

Арехин папку взял.

Не начальник и не указчик, как же.

– Поезд на Ригу отправляется завтра в восемь ровно. Проездные документы в папке же.

Арехин наклонил голову. То ли согласен, то ли просто на папку смотрит. Смотрит, но не раскрывает. Не время.

– Связь – почтовая. Односторонняя. Пишите на бернский почтамт до востребования, Ульяму Шмидту и не ждите ответа.

– Бернский?

– Именно. Даже если будете в Германии, в Австрии или ещё где-нибудь.

– Берн, почтамт, Ульяму Шмидту, – повторил Алехин, подтверждая, что запомнил.

– Никакой тайнописи, никаких шифров. Когда определите виновных, укажите имена, точный адрес. И добавьте, что данные господы готовы подписать новый контракт.

Дзержинский поднялся. Поднялся и Арехин.

– Конечно, это отдаёт аматёрством, и крепко отдаёт – отправлять человека в чужую страну налегке, без поддержки. Но нет гербовой, пишешь на простой, привередничать не приходится, – напутствовал он Арехина, провожая до порога.

Вернувшись в кабинет, Дзержинский на мгновение задумался – не перегнул ли он дугу. По всему выходило – нет, не перегнул. Арехин, конечно, экземпляр штучный, но если он настолько хорош, насколько воображает, то поймет: время штучных людей прошло, нынче время людей дюжинных. Числом поболее, ценою подешевле. Главное же – взаимозаменяемых. Сломался один – поставил другого, сломал-

ся другой – третьего, а уж если и третий не сдюжил – послать сразу пяток, десяток, сотню. С наказом – искоренить подчи-стую, до пятого колена. Господь отделит своих от чужих.

Он нажал неприметную кнопочку на нижней стороне столешницы – вещичка пустяковая, а как удобно. Порученец вошел и стремительно, и как бы неспешно, чёрт знает, как это у него получается.

– Отчёт по Арехину, – интонации Дзержинского были не сколько повелительными, сколько обиденными. Самое привычное дело: отчёт.

– По вчерашний день я вам представлял утром. А новых материалов ещё не поступило.

– Не поступило? Разболтался Пряшкин, или занят сверх разума?

– Не видели Пряшкина. Утром, когда задания получали, видели, а больше нет.

– Да? Как появится – немедленно ко мне.

Порученец улетучился столь же стремительно, сколь и появился. И опять, кажется, ничего особенного, движется неспешно, даже лениво, а миг – и нет его. Или дело не в порученце, а просто сам он утомился, вот и сливаются секунды? Против Арехина Дзержинский ничего не имел, более того, помнил старое, ценил за настоящее и хотел бы заполучить его к себе полностью на будущее. Но конфигурация уж больно сложная: Арехиным и Троцкий интересуется, и сам Ленин, и другие, те, что в тени. Вот тех, что в тени, и пытается-

ся нащупать Дзержинский. По косвенному влиянию. Как открыли планету Нептун. Ведь прячется кто-то во мгле. Большой, сильный, опасный. Потому он послал приглядывать за Арехиным Пряшкина. Пряшкин из опытных, такой рыбной косточкой не подавится. Переживает за прошлое, за службу в «летучем отряде», оттого и старается угодить до смешного, например, вставляет к месту, а чаще невпопад польские слова и выражения. Ну, пусть. За усердие нельзя пенять. Разгонишь усердных, с кем останешься?

Мысли бегали беспорядочно, будто тараканы по стене. Устал, конечно. Ничего, сейчас чайку с сахаром. Чай не роскошь, а кнут для мозга, а на себя кнута жалеть не стоит, – и он нажал на кнопочку дважды.

Арехин тем временем шел по тенистой стороне Проспекта Красных Пролетариев. Фоб и Дейм шли в полусотне шагов позади. Теперь, когда на московские улицы возвращались лихачи, сначала с опаской, а потом и косяком, подновленные лаковые коляски на дутиках стали обыденностью, лишь вороная масть могла насторожить пуганого обывателя; но среди лихачей считалось особым шиком подобрать вороную пару, хотя бы издали схожую со знаменитой упряжкой. Вот и получалась контр-маскировка: весь на виду, а кто таков, поди, пойми. Бывалые люди по прежней памяти вороных сторонились, но подтягивалась смена, те, кому и море по колено, и пуля дура, покуда в лоб не поцелует. Кучер, правда, у Арехина был новый. Может, и к лучшему.

Да, меняются люди, и ещё как меняются. Даже Владимир Ильич обеспокоился, а ведь к нему с отбором ведут, кого попало не допускают. Ленин прежде всего беспокоится об изменениях в партийных отношениях, в партийной иерархии, во фракционных мутациях, но как материалист, он не может не сопоставить эти изменения с другими.

Внешними. Наглядными, но и примелькавшимися настолько, что глаз изменения начинает воспринимать нормой.

Он зашел в светлый павильон, названный не без претензии: «Светопись в красных тонах. Фотомастер Пролетарский». Забавно, но фамилия фотомастера была подлинной, Пролетарским записали подкидыша в церковную книгу старинного волжского города, но на Волге подкидыш не засиделся. В тысяча девятьсот восьмом году молодой Пролетарский пришёл в Петербург из южного города Ялта и сделал карьеру головокружительную: стал третьим фотографом Николая, а император и сам неплохо разбирался в фотоискусстве. Теперь же Пролетарский был главным светописцем Ленина. Все официальные съёмки поручались исключительно ему. Нет, пытались и другие, но выходило не то. Не вождь большевистской партии, а обыкновенный усталый человек. И потому подобные попытки прекратили волевым решением.

Колокольчик звякнул дёшево, скромно. Простенький колокольчик, жестяной. При царе такого бы стыдились даже во второразрядном заведении, а сейчас – в самый раз.

Клиентов сегодня оказалось чуть. Красноармеец пришёл забрать карточку, и теперь придирчиво разглядывал себя в рамке.

– Как думаешь, товарищ, хорошо получилось? – протянул он карточку Арехину. – Вид геройский?

Арехин взял, осмотрел внимательно. В одной руке красноармеец держал винтовку с полуторным штыком, в другой революционный «Маузер», на поясе – три «лимонки».

– Орёл, – подтвердил Арехин. – Хотел бы я хотя бы вполтину так выглядеть.

– А ты шляпу на кепку поменяй, очки сними, и будешь тоже ничего, закваска-то в тебе имеется, – добродушно ответил красноармеец, забирая фотокарточку.

Он ушел, а Арехин посмотрелся в трюмо: как тут разглядеть закваску?

Пролетарский вышел из печатной, рукою отослав помощника на улицу – завлекать клиента.

– Готовы документы, Александр Александрович. В закуток пройдемте.

«В закуток» – это в маленький чулан сбоку. А документы – финский паспорт, невзрачный, потрепанный.

– К новым документам и внимание новое. Старательная подделка часто выглядит, будто пять минут, как с типографского станка сошла. А настоящий документ прост и невзрачен, он уже сто проверок прошел, уже в ста руках побывал, не всегда чистых, и тем вызывает доверие.

– Но ведь это – подделка?

– Как можно, Александр Александрович! Документ натуральный. Только слегка на вас подправлен, ну, как портной костюм подгоняет. В Коминтерне тоже мастера есть, но уж больно казённо исполняют, да и стараются, аж дым из ушей. А это чувствуется. Казённый человек на казённого человека нюх имеет особый. Если не к документу придерется, так к чему другому. Смотрит клиент робко, или, напротив, нагло. Стоит не по одежке. Но больше всего знатоки на обувь смотрят. Впрочем, кому я говорю... А этот документ – как алексеевская постановка. С предысторией и сверхзадачей. Берешь документ и видишь, что занимался им бедный чиновник, последняя спица в колесе, дома сварливая жена и пятеро детей, да теща вдобавок, а по службе никаких надежд на продвижение... Избылся, спустя рукава работал. Не за деньги, а за страх, что со службы погонят. К таким документам вера самая сильная. Врать не стану, мастер высокого полёта неладное заподозрить может, но мастера высокого полёта высоко и летают. Документы проверять им недосуг, разве экспертизу поручат. Но для экспертизы опять-таки попасться нужно, а с этим документом не попадешься. Ну, если заранее свой же человечек сдаст, но тут уж любой документ бессилён: кому быть повешену, тот не простынет. А и простынет, невелика беда.

С мастером Арехин рассчитался загодя, казалось, можно бы и разойтись, но Пролетарский не торопился. Время тянул

или просто поговорить хотел.

– Не считите за нескромность, но не желаете ли на портрет сняться? – спросил вдруг Пролетарский

– В чем же здесь нескромность?

– Ваше время дорого.

– Не дороже вашего, я полагаю. Но мне портрет не нужен.

– Сейчас не нужен, а потом... И для истории: Александр Арехин перед битвой за шахматную корону.

– До шахматной короны далеко. А, впрочем, почему бы и нет.

Фотографий Арехина существует множество, вот и на всероссийском турнире запечатлели, и с Лениным за доской. Пусть будет ещё одна.

– Тогда, пожалуйста, встаньте сюда, – Пролетарский подвел Арехина к выделенному углу павильона. – Трость возьмите в левую руку...

– Я не пользуюсь тростью, – возразил Арехин.

– Это своего рода символ скипетра. Ну, и того, что вы готовитесь побить нынешнего чемпиона. В фигуральном смысле, разумеется.

Арехин покорился. Взялся за портрет...

– А в правую возьмите сигару.

– Я не курю сигары.

– Сигара кубинская, и это тоже символ, – Пролетарский достал из ящичка сигару, на вид свежую. Откуда, интересно, он их берёт? Поступь новой экономической политики?

Прежде чем снять портрет, Арехину пришлось приче- саться, почистить пиджак, брюки и даже туфли, несколько раз менять позу, меняя трость и сигару местами. Но очки снять он отказался категорически:

– Это тоже, если хотите, символ.

– Какой же, позвольте спросить?

– Многозначный. Ответ Малевичу.

Пролетарский только хмыкнул, но настаивать не стал. Вспыхнула обсыпанная магией бумажка, и действие свер- шилось.

– Кстати, вы заметили, что люди последнее время сильно изменились? – сказал Пролетарский. – Я имею в виду физи- чески.

– Вы находите?

– Это очевидно. Прежде всего рост. Фотограф это сразу замечает, камера – тот же ростомер. После войны мужчины стали ниже на восемь сантиметров.

– И чем вы это объясняете?

– Призывают-то в первую очередь здоровяков, кровь с мо- локом. Когда их выбьют, идет в дело второй сорт, третий... Сколько богатырей полегло на войне? А в мелкого и попасть труднее. Но это только начало.

– Начало чего?

– Те, погибшие на войне здоровяки, парни лет двадцати, потомства зачастую и не оставили. А кто по всяким врожден- ным и приобретенным болезням от войны освобождались,

те сейчас и дают основной приплод. На детей посмотрите, на вид, на повадки...

– Я посмотрю, – серьезно сказал Арехин.

– Вам не до этого, я понимаю. Но если лет этак через пятнадцать-двадцать случится новая большая война, особенно победоносная, то человека, к которому мы привыкли в девятнадцатом веке, найдешь разве в фотографических альбомах. Да и то... Кто-то альбомы и сохранит, а большинство, пожалуй, и выбросит. Чтобы не смущали. Останутся архивы мастеров разве...

– Вы полагаете, что их уничтожат?

– Кого? Мастеров или архивы? – вопросом на вопрос ответил Пролетарский. – Хотя это софистика, уничтожение одних обязательно сопровождается уничтожением других.

– И кто же будет уничтожать ваши архивы? Враги, интервенты?

– Почему же непременно враги? Злейший враг мастера – время, преломляющееся в общественном вкусе. Где они, томы Тредиаковского, Кантемира и Хераскова? Впрочем, враги тоже найдутся, как же без врагов. Но не будем о грустном. Куда прикажете прислать фотопортрет?

– Знаете, оставьте у себя. Я сам за ним зайду, – и Арехин решительно распрощался с Пролетарским. Не хотелось ему углубляться в дебри искусствознания. День солнечный, новая экономическая политика набирает обороты, в чайных появились булочки, жизнь определенно карабкалась в зенит.

Вот только последние калоши оприходовали. Чушь калоши. Предрассудок, – и он пошел по неметёной мостовой.

Пролетарский смотрел ему вслед, куда Арехин окончательно не скрылся за спинами обывателей.

Тогда он кликнул с улицы помощника, пусть теперь здесь работает, сейчас клиент повалит косяком. Сам же он пошел обрабатывать пластину с запечатленным Арехиным, цыкнув на предложившего пособить помощника. Рано ещё. До подмастера расти и расти. Его дело – красноармейцы и новые купчихи. Последних было мало, точнее, совсем не было, но Пролетарский ждал наплыва со дня на день.

Фотопластина была с уникальной эмульсией, такие он делал сам, тратя на эмульсию и драгоценные реактивы, которых в каталогах не сыщешь, и время, которое сыскать было ещё сложнее. Пластины этого типа он берёт только для особых персон. Особых не в смысле чина, родовитости, карьерных достижений и перспектив, не в смысле и художнического образа (хотя Арехин так или иначе подходил бы под любую категорию). Его интересовали лица причастные. А причастность, она штука такая... Не каждый видеть может. Пролетарский и не видел, только догадывался, но догадки старался проверить алгеброй, суть светописью, комбинацией физики, химии, геометрии и наук доселе неведомых.

Предупредив помощника, что запирается, что без самой крайней нужды беспокоить его нельзя, он приступил к процессу извлечения изображения. Ничего особо сложного в

процессе не было, тысячи гимназистов во время оно тратили свое время на то, чтобы остановить на пластинке время чужое.

И где те гимназисты?

В темно-красном отсвете фонаря проступало отражение действительности. Пролетарский был светописцем опытным, и выводы делать не спешил. Довел процесс до финала и поставил пластинку сушиться.

Время имелось – искусственно ускорять сушку было рискованно. Он сменил темно-рубиновый фильтр фотографического фонаря на светлооранжевый и достал особый альбом. На карточках были те, причастные. Всех чинов и званий. Но фотобумага чины и звания не фиксировала. Она фиксировала иное. Изменение облика объекта наблюдения во времени. И менялся облик... нехорошо. А рядом появлялись субъекты, вовсе глазу невиданные. Порой туманные, а порой и слишком резкие.

Пролетарский прятал альбом в специальную папку с замочком. Замочек, конечно, ерунда, дань традиции. Прежде он и отпечатки делал на особой бумаге, такой, что если упадет на неё дневной свет, то через пару часов бумага рассыпалась. На солнце и получаса хватало. А затем дошло, что глупости это. И без него найдутся желающие превратить в пыль, расточить, сжечь. Нужно будет – и мастерскую сожгут, и целый город: у Пролетарского была своя теория пожара восьмьсот двенадцатого года. Потому он просто прятал пап-

ку с фотокарточками среди папок брака. Для последующего извлечения серебра. На черный день. Помощник, услышав о серебре фотобумаги, было загорелся, но узнав, что в сотне листов отпечатков серебра меньше, чем в полтиннике, да ещё реактивы денег стоят, да работы немеряно, тут же и остыл.

Пластинка с Арехиным высохла. Пролетарский сделал пробный отпечаток, проверил его с увеличительным стеклом.

Ничего необычного. Либо Арехин не был причастным, либо же причастность его была особого рода. Такие тоже попадались Пролетарскому, но отчего-то их судьба была печальной: тяжелая болезнь, шальная пуля, а чаще просто исчезали. Исчезали, будто и не было их никогда. Даже в благопристойные времена подобные случаи встречались, а уж сегодня...

Он сделал полдюжины фотокарточке Арехина – на тисненой кремовой бумаге.

Этот запросто не исчезнет. Вряд ли.

Времени было и много, и мало. Как считать, на что тратить. Обычно следовало начинать с оценки позиции. Обычно, но не сейчас. Сейчас Арехин не знал ни размеров доски, ни количества фигур, ни даже того, за белых он играет, или за черных. Нехватка сведений ещё опаснее нехватки свежего воздуха. Вот он и пополнял второе, думая, как быть с первым. Шёл по Бульвару Стеньки Разина (бывшим Губернаторским Аллеем) и дышал полной грудью. Перевалившее через зенит солнце не пекло, а ласково грело, и облака, пока легкие, как пирожные «безе», придавали небу вид кондитерской мессы Гаспарина, кондитерской, где в самый знойный день было свежо и прохладно. Зайти, что ли, посмотреть, как новая экономическая политика благотворно влияет на дамский рай?

Но не пошёл. И далеко, и не был уверен, что кондитерская расцвела. Не срок ещё. Главное же – нужно было побывать в другом месте. Отнюдь не в кондитерской.

Если отправиться сейчас, поспеет к трем пополудни.

Он подал знак, и через несколько секунд кабриолет катил рядом с ним. Знает Григорий толк в лошадях, и правит, как Аполлон, доведись тому править колесницей по московским улицам и закоулкам. Не хуже Трошина, который после январского ранения физически выздоровел, но честно сказал,

что устал и боится. Теперь Трошин заведует театральными конюшнями. Тоже карьера.

Арехин легко вскочил в кабриолет (заметив про себя, что легкость далась с трудом, нужно больше заниматься гимнастикой).

– В ларец, – сказал он Григорию. Тот понимающе кивнул. Арехин не заметил, что именно сделал Григорий, но Фоб и Дейм побежали много резвее. Не так резво, как на пожар, но и не так, как ванька везет на вокзал дачника. Умеет Григорий управляться с лошадьми. И те его любят. В детских книгах лошади часто любят добрых и отзывчивых людей, лошадиных чувств не обманешь, лошади безошибочно распознают негодяев, воров и обманщиков. В общем, должность следователя – явно лошадиная. Но насчет лошадей и в детстве Арехин сомневался. Одно дело любить лошадей, на это они, лошади, и в самом деле могут быть чуткими судьями. А другое – таскать сахар из буфета. И одно с другим совершенно не соотносится. А уж если сахаром поделиться с лошадью, тут любая лошадь полюбит сахарного вора.

Кабриолет меж тем катил тихо и покойно: в марте Григорий полностью разобрал его, потом полностью же собрал, что-то заменив и добавив, и с той поры смазывал постоянно, и не дегтем, а специальным маслом, которое доставал одни лошади ведают как.

Ларцом москвичи называли небольшой особняк, построенный Шервудом аккуратно между наступлением Брусилова и

отречением Романова. Кому-то нравилась новизна архитектуры, другие хвалили здание за демонстративную простоту, но сегодня оно было известно тем, что в нём с начала дискуссии о профсоюзах почти безвылазно работал Троцкий. Дискуссия уже утихала, но Лев Давидович не спешил покидать приметный особняк, чем порождал многочисленные слухи.

– С чёрного заезжать? – спросил Григорий, но, поняв неуместность вопроса, подкатил к парадной лестнице.

Охраны не было, но перед лестницей слонялись случайные прохожие числом трое. Слонялись молча, не курили, кулаков в карманах не держали, в небо не смотрели. Десять шагов в одну сторону, десять в другую. Народный патруль, стало быть. При виде экипажа восторжеслись, но когда Арехин соскочил (нет, обязательно нужно заняться гимнастикой), продолжили свой ход: если они кого и опасались, то никак не одинокого визитёра гражданской наружности.

Арехин по лестнице поднялся быстро, лестница – замечательный гимнастический инструмент. Швейцара, разумеется, не было, дверь открывалась лишь половинкой. Экономия сил, да и тепла. Сейчас тепло экономить нужды не было, но ведь придет осень, за ней зима, чего же зря напрягаться, раскрывать двери полностью. Потом ведь закрывать придётся. Не прежний режим.

Внутри ларец был живее, чем снаружи. По коридорам и лестницам сновали граждане и гражданки, с бумагами и без, из кабинетов доносился стрекот ремингтонов, где-то горя-

что, до хрипоты, обсуждали проект постановления, принимать ли во второй редакции, или в третьей, в общем, никаких признаков умаления величия и влияния Льва Давидовича неискушенный взгляд бы не заметил.

Искушённый заметил. В гражданскую войну рядом с Троцким было много тише, чем теперь. Не требовались тогда Льву Давидовичу внешние признаки напряженной работы. Хотя... Иногда и требовались.

В приёмной сидели трое, но Сулико Лазаревна при виде Арехина кивнула ему, как своему, и показала на дверь в кабинет, мол, входи, не стесняйся. Обычно секретарша была менее приветлива.

Арехин прошёл под взгляды ожидающих, не то завистливые, не то сочувствующие.

В кабинете Лев Давидович проводил совещание с дюжиной ответработников неопределённого профиля. Оглянувшись на Арехина, он махнул рукой, погоди, товарищ, закругляюсь. Остальные на Арехина не оглядывались, смотрели только на Троцкого.

– Трудовое воспитание следует начинать как можно раньше, – горячилась молодая девушка. – Лет с двенадцати.

– В деревне с пяти лет все при деле, – ответил ей пожилой человек профессорского вида.

– В деревне труд индивидуальный, а мы говорим о труде коллективном.

– В общем, товарищи, нам есть о чём подумать. Позвольте

на этом считать заседание завершённым.

– А резолюция... – возразила девушка.

– Вот вам я и предлагаю подготовить проект резолюции и представить на обсуждение, скажем, часа через полтора. Председателям комиссий явка обязательна. Все свободны.

Дисциплину Троцкий держал на высоте: через минуту кабинет опустел.

– Казалось бы пустяк, детские трудовые отряды, но из семечек вырастают дубы, – сказал Троцкий Арехину вместо приветствия.

– Дубы вырастают из желудей, – возразил Арехин.

– То прежде. Сколько нужно лет, чтобы жёлудь превратился даже не в дуб, а в дубок? А нам нужно завтра, сегодня, а лучше вчера. Нет, семечки, только семечки и ничего, кроме семечек – таков сегодняшний лозунг. Жёлуди оставим до лучших времен, – Троцкий обошел стол заседаний, подошел к Арехину и, глядя в глаза, пожал руку. – Значит, Ильич поручил вам проверить чистоту нравов ближнего круга?

– Задача была поставлена иначе, – ответил Арехин.

– Ну ещё бы. Владимир Ильич мастер ставить задачи: решая основную, решишь ещё дюжину, и потом думаешь, а какая, собственно, была основная-то? Девуцу освободить, змея убить, меч-кладенец в деле проверить, поле вспахать, царя в котле сварить? Так что же привело вас сюда, Александр Александрович?

– Рука рыболова, что ж ещё. Я кто? Я червячок на крючке,

ну, живец. Мое дело хвостиком побойчее вертеть, или плавниками. И смотреть, кто меня первый съест.

– Значит, вы тоже думаете, что Ленин ищет преемника, – довольно усмехнулся Троцкий. – Вопрос лишь, зачем он его ищет.

– Это вне моей компетенции, – ответил Арехин. Лукавить с Троцким было бесполезно, тот видел на два аршина вглубь.

– Понятно, что вне. Да такого человека, в чьей это компетенции, и на земле-то нет. Это, скажу вам откровенно, даже сам Ильич ещё не знает, что ему с преемником делать: к сердцу прижать или к чёрту послать. В этом-то и прелесть нединастической системы: наверху непременно окажется сильнейший. Проблема лишь в том, по каким критериям будет выявляться сильнейший. Мне почему-то кажется, что не по статьям и брошюркам, не по вкладу в общемировую теорию марксизма. Но я отвлёкся, – спохватился Троцкий. – Если вы пришли ко мне, значит, я вам зачем-то нужен?

– Нужен ваш совет, ваше мнение.

– Вы знаете, Александр, и в шахматах, и в сыске я совершенный профан, – едва сказав это, Лев Давидович почувствовал, что получилось банально, и тут же поправился:

– Что ж, спрашивайте. Чем смогу...

– История с поддельными лекарствами... Мне поручили ею заняться. Что, по вашему, стоит за этим?

Троцкий задумался только на мгновение.

– Тут два отдельных вопроса. Во-первых, лекарства. Это удар по многим. Оставшись без нужного средства, доктор Джекил окончательно превращается в мистера Хайда. Представьте, у человека активный сифилис, он гниёт заживо, и гниёт быстро, его обнадёжили, пообещали наверное, и тут – пшик, солёная водичка на сифилитические язвы. То же и с героином: ведь многие пристрастились, многие...

– С героином?

– Вам не сообщили? Героин, кокаин и противосифилитические препараты – больше никаких лекарств в заказе нет. Итак, человеку нужен героин, он задыхается без героина, буквально выходит из себя. И тут ему мягко намекает, что если он проголосует так-то и так-то, он получит требуемое. Чуть-чуть. До завтрашнего голосования.

– Признаться, для меня это ново.

– Не стану преувеличивать, доля зависимых от героина среди вождей выдающихся не столь уж велика, да и есть у них запасец на крайний случай. С вождями видными дело похуже, и запасов практически нет. С рядовыми же обладателями решающих голосов... – Троцкий махнул рукой, представляя Арехину домыслить остальное самому.

– Но вместо героина возможно использовать морфин, на худой конец, опиум...

– Используют, ещё как используют. Но качество не то. Словно вам променять ваших знаменитых рысаков на старую крестьянскую конягу. Да и юг с востоком, где растут

волшебные цветы, далеки. Во всяком случае, монополия на героин есть если не решающая, то довольно веская гирилка на весах политической борьбы сегодня. Второе – назначение виновных. Из-за секретности закупка была разбита на несколько частей, и люди работали разлаженно, не зная общего плана. А планы, что планы, гладко на бумаге. А в жизни кто в лес, кто на крест. Где пошло не так? Да везде пошло не так. Сначала ставку делали на «Байер», фирму солидную и, кстати, создавшую пресловутый героин. В современной Германии три миллиона рублей золотом – сумма совершенно фантастическая, и мы могли бы получить самые выгодные условия, включая изрядный пакет акций самого «Байера». Но нет, Германия слишком на виду, решили умные головы. И обратились к второразрядной, даже третьеразрядной швейцарской фирмочке, потеряв на этом половину, если не больше. Списали на неопытность. Ну, и так далее... Но всё-таки главные ответственные – это Наркомвнешторг и ВЧК. Точнее, Красин и Дзержинский. Но Красин теперь в Лондоне, дела ведет Лежава, который передоверил дело Птыцаку, тот кому-то ещё, каждый же ведет сотни дел, и не в одиночку, а с сотнями же помощников.

И тут второй вопрос: почему это дело поручили вам. Почему вам, а не чекистам? Думаю, вы точно оценили свою роль: живец. Кто на вас клонет, тот героин и экспроприировал. Чекисты же могут быть заинтересованной стороной, да что могут, они в любом случае заинтересованная сторона,

потому доверять им поиски рискованно.

Вот и все, что приходит мне в голову, – с нарочитой скромностью закончил Троцкий.

– Выбирать между Лениным и Дзержинским... – начал было Арехин.

– Выбирать никто не даст. Да и вам это ничего не даст. Что первый, что второй – такие акулы, по сравнению с которыми вы, Александр, не пескарь конечно, но окунек на полфунта, не больше. Вот и ведите себя по-окунячьи: плавайте неглубоко да хватайте зазевавшихся плотвичек и пескарей. И все будут довольны. А вы по-прежнему будете живцом, а не мертвецом, простите за глупый каламбур.

Арехин не ответил, всем видом показывая, что ждёт продолжения.

– Разве что вам самому захотелось стать видным, а потом, не боги ж горшки обжигают, и выдающимся партийным деятелем? Но тогда вам особенно следует блюсти осторожность: старым вождям не нужен рыцарь, побеждающий дракона. Нужна собачка, приносящая тапочки. В любом случае вас будут использовать втёмную. Точнее, уже используют втёмную. А кто, почему – возможностей, как в калейдоскопе.

– Ленин?

– Ильич всех использует явно, ему втёмную не к лицу. А вот остальные... Дзержинский, Красин, Зиновьев, Каменев... Даже я, во всяком случае, теоретически, не выпадаю из этого ряда. Очень, знаете, недурно было бы иметь под ру-

кой сотню-другую голосов на съезде. Впрочем, насчёт сотни-другой я, пожалуй, загнул. Осторожность и скромность. Войдёте в силу, тогда и начнете рвать и метать, а пока давайте лучше чаю выпьем. У меня по расписанию – чайная пауза.

На этот раз от чая Арехин не отказался. Сулико Лазаревна принесла на подносе чайник, пару чашечек, сливочник, тарелку с венским печеньем.

– Что делать, борьба за власть есть непреложное свойство активных натур, – вёл разговор Лев Давидович. – Марат был на ножах с Робеспьером, Цезарь с Антонием, Ромул с Ремом. Куда не глянь, всюду видим стремление сосредоточить силу в одной точке. В себе. И потому ситуация, когда вчерашние соратники становятся сначала соперниками, а потом и врагами, является неизбежной, простите за банальность. Но это никак не влияет на общий ход революционного процесса, выдвижение новых и новых лидеров есть шпоры революции. Так что, боюсь, все мы кончим либо как Робеспьер, либо как Марат.

Кстати, вспомнил забавный случай. Гуляем мы по Парижу, я, Ильич и Бухарин – согласитесь, начало анекдотическое. Подкатывает к нам гадалка и начинает напускать туман, мол, вижу то, вижу сё, а позолотишь руку, увижу совсем ясно. Руку золотить мы ей не собирались, тогда она сделала хитрый ход: погадаю троим по цене одного. Ладно, решили мы, пусть. Бухарину она предсказала смерть от пули, и даже место указала – затылок. Николай Иванович побледнел,

разволновался, спрашивает, кто ж его так, враги, интервенты? Нет, отвечает гадалка, русская женщина, комсомолка, по приказу друзей. Ваших ближайших друзей. Потом пришла моя очередь. Мне она предсказала смерть от холодного железа, и опять по решению ближайших друзей. Тоже указала на затылок. Верно, на гильотину намекнула, но я решил не уточнять обстоятельств. Ильич же решительно повернулся, так она ему в спину крикнула, что он вообще не умрет в этом веке, но жизни из него высосут предостаточно – и опять-таки указала на затылок. Чушь, глупость, а прогулку испортила. Что самое удивительное – никаких комсомолок в то время не было, и слова-то такого не было. Вот... Настроение паскудное. Потом мы это поправили пивом. Тогда Ильич ещё любил пиво...

Чай был выпит, печенье съедено, пришло время прощаться.

– И последний совет: если вас посылают в Женеву, возвращаться не торопитесь. Если, конечно, не мечтаете занять пост видного деятеля. Очевидно, что вы ничьей креатурой не являетесь. В таком случае очень легко стать общим врагом. Вы в бильярд играете? – вдруг спросил Лев Давидович.

– Нет.

– Я тоже нет. Но люблю смотреть. Настоящий мастер бьет по одному шару, чтобы тот задел другой, а другой скинул в лузу третий. А вы представьте партию, где таких мастеров с десяток, и у каждого свой кий, и бьют не по очереди, а кто

смел, тот и смёл. Оно вам нужно?

– Я подумаю, – серьёзно пообещал Арехин.

– Непременно подумайте, непременно. И крепко! А Владимиру Ильичу передайте, что я целиком разделяю его мнение: Германия полыхнет так, что небесам станет жарко, полыхнет всерьёз и надолго!

Последнюю фразу Лев Давидович сказал при открытых дверях, и все, ожидающие встречи с ним, а сейчас их было более дюжины, поняли: был у Троцкого человек от Ленина, и они не просто чай гоняли, а обсуждали международные дела.

Арехин прошёл через комнату ожидания, и все следили за ним, как за ангелом смерти и жизни. В таком вот порядке.

Он прошел коридорами, спустился по лестнице, по пути заметив, как изменилась погода. Из ясной и солнечной она вдруг стала тёмной. Небо, совсем недавно лазоревое, вдруг словно выключили. И солнце скрылось за тучу, как прелестная испанка за тяжелую черную штору, а если выглядывало, то не светить, а жечь.

И Фоб с Деймом выросли на пару вершков, и смотрелись демонами преисподней. Но больше всего удивляла улица, вдруг обезлюдевшая и притихшая, лишь ветер шуршал редкими бумагами по тротуару – сорванными с тумб листовками и клочками совсем старых газет.

Гроза собирается? Он вскочил было на подножку коляски, но промахнулся. Ещё раз – и опять промахнулся. Пришлось взбираться неспешно, помогая обоими руками. Сел. Вдруг

захотелось отгородиться от всего.

– Занемогли, Саныч? – спросил Григорий. Если Григорий зовет его «Санычем» – дело серьезное. Полностью, Александром Александровичем, Григорий называл его в обстановке полного благополучия. При благополучии неполном именование сокращалось до Сан Саныча. В случае же опасности оставался один Саныч: в бою, мол, каждая секунда дорога, а Саныч в пять раз короче, чем Александр Александрович. Арехин проникся доводами Григория (в боевой обстановке – Грини) и спорить не стал. Спорить с человеком, два года служившим бок о бок с Нестором Махно и раненым только трижды (с Махно Григория разлучили сначала сыпной тиф и окончательно сестра милосердия Нюша) было неразумно. Если Саныч спасает от пули – то пусть будет Саныч.

– Устал немного, Григорий, – ответил Арехин, одновременно показывая, что неприятностей не видит.

– Вот и я устал. Пять минут назад хоть бегом до Коломны готов был, а вдруг сдулся. Понадеялся, что болею, а как увидел тебя, понял – глаз это.

– Сглаз?

– Можно и так, но у нас говорят глаз. Сейчас нас убивать начнут.

– Прямо сейчас?

– Ага, готовься – Гриня тряхнул вожжами, и кабриолет покати по улице. И катил он иначе, неровности мостовой выросли вдесятеро, тряска болью отдавала в голове. Но он

приготовился: одно то, что подумалось «Гриня», было симптомом чрезвычайным. Поднял верх кабриолета, откинулся вглубь.

Проехав три квартала, экипаж свернул к Новым Пустырям.

– С чего бы? – спросил он Гриню.

– Глаз, – лаконично ответил тот, и стал разворачиваться. Да поздно: вслед за ними три коляски стали в ряд, заслоняя дорогу. Гриня положил экипаж на прежний курс. Прорвемся!

Позади стреляли, более для острастки. По звуку – револьверы, а из револьвера и не попадешь. Далеко.

Через двести саженей Гриня осадил коней: впереди была неглубокая, но широкая траншея.

– Давай, Саныч!

Арехин зауценным движением освободил сектор в задней стенке кабриолета. Тот подался без шума: и запоры смазаны, и дуб обит подушками с конским волосом. Открылся вид на начало Новых Пустырей и на три преследующие их коляски. По четыре человека в каждой. Отделяло их саженей триста, и расстояние сокращалось: преследователи не гнали, но много ли времени нужно, чтобы рысью, как-нибудь?

Арехин достал из схоронки пулемёт, установил на подпорки, присоединил полудиск, прицелился. На все ушло восемь секунд – не зря они с Гриней тренировались часами. Прицелился, дал короткую очередь, потом ещё и ещё. Фоб

и Дейм стояли смиренно, приученные: после стрельбы будет морковка или сахарок.

Пулемет Шоша военные ценят невысоко. То военные. А в мирной жизни – превосходнейшая вещь. Лёгкий, в пять раз легче «Максима», нетрудно спрятать в кабриолете, а что в полудиске всего двадцать патронов, то ведь не с полком воевать, не с ротой даже.

Очереди по три патрона, всего семь, и вот враг повержен – буквально. Стрелял Арёхин прицельно, стараясь, чтобы ни одна безвинная тварь не пострадала. За что лошадям страдать? Гриня во время учебы и так, и этак склонял Арехина к стрельбе именно по лошадям, но потом перестал. Уверовал в меткость Арехина.

Арехин сменил полудиск и стал искать цели среди выпавших с экипажей.

– Эй, может, кто сдаться хочет? Руки до горы и сюда, по одному, – прокричал Гриня. Кричал он громко, далеко слышно, но никто сдаваться не захотел.

Ещё очередь. Потом две. Трое, не выдержав, вскочили и попытались убежать. От пули разве убежишь, тем более, пулемётной?

Минут тридцать над пустырем висела тишина. Гриня кормил Фоба и Дейма морковкой.

В голове прояснилось, да и солнышко снова засветило весело, по-московски. Но боль осталась, как при мигрени. Возможно, это и есть мигрень.

Новые Пустыри – место особое. Собственно, пустырями они стали после революции, когда в азарте или по злобе, но явно не от ума, сожгли несколько усадеб, а усадьбы были знатные, горели долго. На их месте планировали построить трудовые коммуны, казармы или ещё что-нибудь нужное, но пока руки не доходили. Да и ноги тоже: место пользовалось дурной славой, и москвичи старались обойти Пустыри стороной.

Никто на пулемётные выстрелы не спешил. По-хорошему, нужно было ждать подмоги, потом проверить, вдруг да остались раненые (должны были остаться, непременно должны), допросить их, да много чего нужно было сделать. Вдвоём к побоищу подходить не стоило: тот же раненый, или трое, могли положить их запросто.

Но подмога не спешила, и Арехин скомандовал Григорию:

- Ищи объезд, поедem в наркомат внешней торговли.
- Сейчас, Александр Александрович. Только на место сектор прилажу, а вы покамест пулёмет в гнездо уложите.

Неплохо было бы, конечно, заехать домой. Принять ванну, переодеться, а то пороховой дух пропитал одежду до неприличия. И подумать. Хорошо подумать. Потому что налёт посреди бела дня запросто не подготовишь. Той же траншее, по виду, неделя.

– Ты почему на пустыри свернул, – спросил он Григория.

– Говорю же – глаз попутал. В голове мысли: езжай по Горбатой, да езжай, а что Горбатая, там всегда толкотня, телеги, раззявы, кого только нет. Вот я и наперекор и на Пустыри рванул, думал, сейчас мы полетим, не утонишься, – он свободной рукой схватился за голову.

– Болит, спасу нет. Теперь до утра не отстанет боль-то.

– Ты полагаешь?

– Проверено. Есть, правда, средство глаз перебить, но оно кому как. Горилки крепкой стакан. Не закусывая. Бывают, правда, люди, у которых от горилки голова ещё больше слабеет. Потому и говорю, не каждому впрок, – и Григорий оглянулся на Арехина.

Тот только повторил:

– В Наркомат.

В народном комиссариате внешней торговли Арехина встретили прохладно. Вахтер пускать дальше порога не хотел, и даже волшебное «Я от Ленина» не подействовало:

– У нас тут каждый второй от Ленина, а каждый первый – от Господа Бога. Порядок есть порядок. Сейчас подойдет определитель, он и определит, куда вас направить.

Арехину стало любопытно, что за определитель такой, и артиллерию он оставил в кармане.

Через четверть часа подошел молодой человек, одетый добротно и даже щегольски, и спросил Арехина, кто он, собственно, таков и по какому делу явился в Наркомат?

Арехин молча протянул мандат Ленина.

– И всё-таки, какое у вас дело? – настаивал молодой человек.

– При посторонних докладывать не имею права.

– Ну, какой Варфоломей Иванович посторонний. Впрочем, понимаю, порядок есть порядок. Пройдемте в мой кабинет.

Кабинет оказался недалеко, метрах в десяти от входа. Солидные кабинеты гнездились много глубже и дальше, но и в этом мебель была ореховая, дорожки – ковровые, а на столе – телефонный аппарат.

Молодой человек сел на хозяйское место и, пару мгновений спустя указал на стул для Арехина.

– Теперь вы можете говорить совершенно свободно.

Арехин взял обеими руками телефонный аппарат, совершил необходимые манипуляции и попросил связать с приёмной Дзержинского.

На лице молодого человека появилась усмешка, мол, жа-

луйся, жалуйся, не таких видали.

Но Арехин не жаловался. Связавшись с дежурным по городу, он доложил о происшествии на Новых Пустырях – чётко и лаконично. Потери? Человек десять он ликвидировал точно. Возможно, остались трое или четверо раненых. С нашей стороны потерь нет. Сам он занят, выполняет особое поручение Дзержинского, но если Феликс Эдмундович решит, что присутствие Арехина необходимо, ближайшее время он будет в Наркомате Внешней торговли, туда пусть и телефонирует.

Положив трубку на рычажок, он посмотрел на молодого человека:

– У вас, кажется, какие-то ко мне вопросы?

Молодой человек встал, вытянулся, сказал, что ему всё понятно, важнейшие вопросы в отсутствие Красина решает товарищ Лежава, и, если можно...

– Можно, – разрешил Арехин и через пять минут был в кабинете Лежавы.

– Только коротко, буквально по сути, – сказал заместитель наркома.

– Коротко: кто в наркомате отвечает за поставки медикаментов?

– Какую именно поставку вы имеете в виду?

– Швейцарской фирмы «Багейтер».

Лежава вздохнул.

– Мы же объясняли...

– Прошло время. Могли открыться обстоятельства, – нарочито телеграфным стилем объяснялся Арехин.

– Дело начал сам Леонид Борисович.

– Красин?

– Разумеется, Красин. Напрямую из Москвы было неудобно, подключили наше представительство в Риге. Птыцак связался со швейцарской фирмой...

– Почему не напрямую с «Байером»?

– Германия, как проигравшая сторона, выплачивает дань победившим странам, и «Байер» опасался, что деньги попросту изымут в счёт репараций. Вот и создали транзитную фирму «Багейтер» в нейтральной Швейцарии. Наш наркомат отвечал за финансовую сторону дела. Деньги были переведены в срок, товар отгружен тоже в срок. На этом ответственность наркомата внешней торговли закончилась.

– То есть за то, что вместо лекарств из-за границы пришла водица, вы ответственности не несете?

– Мы понятия не имеем, что пришло из-за границы. Транспортировку и сохранность груза обеспечивали люди Дзержинского.

– Но если им отгрузили мел и воду...

– Даже если так, причем здесь мы? Только, знаете, фирма «Байер» такими делами не занимается. Её представители поручились за качество отгруженного товара.

– А кто поручится за «Байер»?

– В своей области «Байер» есть эталон. Положим, вы го-

ворите, что за вас поручился Ленин, а я буду спрашивать, кто поручится за Ленина.

– Понятно, – сказал Арехин и поднялся. – Благодарю за помощь.

– Что, у вас всё? – удивился Лежава.

– Всё, – подтвердил Арехин. – Или у вас появились новые, нам неизвестные данные?

– Нет. Никакими иными сведениями мы не располагаем.

На выходе молодой человек держал перед Арехиным тяжелую дверь, швейцар взял под козырек.

Чтобы тебя здесь уважали, нужно убить средь бела дня разом человек десять. Кстати, нужно будет узнать детали. И ещё один ответ, меняются ли люди. Вот он, Александр Арехин, убил десять человек или около того, и никаких угрызений совести, никаких «тварей дрожащих» в голове не вертится. Пулемёт почистить и смазать – вертится. Восполнить расход патронов – вертится, хотя и пулемётом, и патронами заниматься будет Григорий. Легко списать онемелость души на боестолкновение. Кровь полна бесами боя. Гормонами, как считает наука, а по нему так бесы – слово точное. Да, сейчас он во власти бесов. Иначе никак. Модель поведения «Если тебе перерезали горло, тут же подставь другое» оставим нашим врагам.

– Куда теперь? – спросил Григорий.

– На Новые Пустыри. Чекисты, полагаю, уже там. Посмотрим, кому дорогу перешли.

Пока добирались, Арехин думал вскользь, неглубоко. На небо смотрел, по сторонам. Тиски, ломавшие голову, чуть-чуть ослабли. Или, напротив, голова меняла форму, приспособливаясь? Вдруг это и есть муки души, проявляющиеся подобным образом?

К Новым Пустырям подъехали к закату. Он рассчитал верно: наряд чекистов заканчивал работу.

К нему подбежал Луновой:

– Мы вас и не ждали, Александр Александрович. Феликс Эдмундович сказал, что вы заняты, и беспокоить не велел.

– Никакого беспокойства, Иван Степанович. Занят, но несколько минут у меня есть. Разобрались, кто это?

Под кустами рядом лежали тела, числом одиннадцать.

– Двое – точно кронштадтские, из заводил. У нас по ним ориентировка, ну, вы знаете...

Арехин не знал, но виду не подал.

– Полюбуйтесь, – и Луновой подвёл его к кустам. – Видите? – он сдвинул разрезанный рукав с левого плеча крайнего.

На плече синела татуировка. Татуировки среди моряков не редкость, но на сей раз это были не якоря, не русалки, не корабли. Странная химера: крылатый демон, головой которому служил осьминог, или нечто, похожее на осьминога, восседал на троне.

Понизив голос, Луновой сказал:

– Точно, как в спецписьме. И у второго тоже, – он показал татуировку лежащего рядом. – Видно, звери отчаянные,

недаром написано: при задержании в разговоры не вступать, уничтожать на месте без промедлений. Но как вы разглядели, что это кронштадтские?

– Случайно вышло, – рассеянно сказал Арехин, обдумывая услышанное. – А насчёт остальных?

– Местная шпана средней руки. Крупняка среди них нет, теперь уж и не будет, не вырастут. Оно и правильно.

– Все – от огнестрельных ранений?

– Доктор не смотрел, но и у самих опыт есть. Да. Пулеметные, а у двоих ещё и револьверные раны, в голову. Для верности, да?

– Покажите-ка.

Арехин осмотрел тела. Оба были ранены, один в живот, другой в бедро. И – по пуле в голову, но не пулеметные пули, пулеметные череп разнесут. Револьверные, как и определил Луновой.

– Один ушел. Или кто-то пришёл вслед и добил, – сказал он.

– Коляски-то все на месте. И лошади, – с сомнением сказал Луновой. – Что ж они не уехали?

– Коляски приметны. Да и дорогу требуют, а пешком в любую щель пролезешь.

Действительно, пулемёт потрепал и коляски. Не сильно, в меру боезапаса, это же не «Максим», но опытный глаз пулевые отметины заметит. В Москве теперь много опытных глаз.

– Ушли, значит.

– Все-таки, думаю, ушёл. Один. Всего их было двенадцать. Разумеется, я мог и сбиться в счете...

– Вот это вряд ли, – сказал Луновой. – Когда это вы сбивались.

Арехин не стал говорить, что всё когда-то случается в первый раз. И в том, что преследователей было двенадцать человек, и в том, что добивал один из выживших, он был уверен. Неясно было другое: если нападение готовилось заранее, о чем свидетельствовала траншея, то как могли угадать, что он, Арехин, поедет этим путём? Что он вообще окажется в этом районе города? Или засада была не на него, а на всякого проезжего? Ограбил, убил, закопал, и так раз за разом. Конвейер. Потогонная система Тейлора.

Он снова наклонился над телами, теперь осматривая кисти.

– Похоже, траншею рыли эти парни: у четверых водяные мозоли. Почти зажили, но всё же видно.

– Да, – согласился Луновой. – Мишку Ламкина я знаю, щипач, у щипачей руки нежные, и, если такая мозоль objavилась, то явно неспроста.

– Вы вокруг посмотрите, – посоветовал Арехин. – Вдруг они не первый раз здесь промышляют. Или оставшийся недалеко ушёл.

– Почему недалеко?

– Он тоже мог быть раненым.

– Посмотрим. Или угро поручим, пусть с собачкой поищут.

– А с телами что будете делать?

– А что с ними делать? Опишем опознание, кого опознали, да здесь и закопаем, когда руки дойдут. Сами выбрали, где лежать.

Распроставшись с Луновым и кивнув остальным чекистам, он вернулся в кабриолет. Опять вскочил, а не влез. Это хорошо.

– Как они на вас смотрят, – сказал Григорий.

– Как?

– Будут всю жизнь хвастать, что видели самого Арехина, и он с ними разговаривал, ручкался, чай пил.

– Это почему?

– Как же. Они эту банду месяц, может быть, искали. А тут пришел, увидел и всех положил.

К дому они подъехали в сумерках. Дворник, лениво стоявший у ворот, завидя Фоба и Дейма, сорвался с места и, угодливо улыбаясь, поспешил отворить их.

Неужели и сюда дошли слухи о Битве На Пустырях? Вполне возможно.

Дом менялся на глазах. Вместо профессуры сюда стали направлять красных командиров. Война закончена, или почти закончена, пора и о гражданской жизни подумать. И, услышав, что есть такой вот хороший дом, командиры полков требовали ордера именно сюда. Положим, командирам

полков отказывали, но ведь есть и командиры дивизий, и армий, и фронтов...

Куда же девалась профессура? Кто-то получил разрешение на выезд во Францию, Великобританию и прочие швейцарии, кто-то – ордер на квартиру в Доме Учёных, а кто-то, пару раз столкнувшись с новой элитой, и сам поспешно съезжал куда получится. И ведь не скажешь, что въехавшие – плохие люди. И денег до пятницы займут, и солью поделятся, и шкаф передвинуть помогут. Они не плохие, они другие. И – победители. Раз победители, то будьте добры любить и уважать. А если губы кривить да носом вертеть, не то сказали да не туда плюнули, тут уж подвиньтесь, не прежнее время.

Анна-Мария красными командирами восхищалась, профессуры-то ей и дома, в Швейцарии, хватало. Отношения Арехина с красными командирами были сложнее. Зависело от обстоятельств. Предыстории. Одни командиры при виде Арехина сами кривили губы и вертели носами, другие старались поскорее прошмыгнуть к себе и закрыться на два оборота и засов для верности, третьи же считали Арехина человеком революционным, пусть и с причудами, и охотно помогали со всякими мелочами. Вот как с пулемётом Шоша.

С улицы к воротам поспешил человек. Арехин узнал его сразу.

– Гражданин Каннинг?

– Вы виделись с Циолковским? – сразу приступил к делу ассистент.

– Не довелось.

– Я же вас просил.

– Тут мало ваших просьб. И моего желания мало. Кто-то должен провести следствие, и только после этого делать выводы. Невиновен – на свободу.

– Я слышал, можно поручиться за человека...

– И кто за него поручится?

– Я думал, вы...

Арехин вздохнул.

– Я не буду ручаться за человека, которого в глаза не видел.

– Так вы посмотрите! Посмотрите, пока не поздно, – Каннинг опять попытался взять Арехина за руку, но в последний момент снова остановился.

Арехин, не отвечая, развернулся и прошёл во двор. Каннинг остался у ворот, руки его висели вдоль тела, лишь на палец не доходя до колен.

Ладно.

– Григорий, отдохните сами, и лошади пусть отдохнут, но к полуночи будьте готовы.

– Далеко?

– На Лубянку.

В квартире было накурено: Анна-Мария работала. Писала обзор швейцарской, австрийской и, прежде всего, немецкой прессы. И наоборот – обзор советской прессы для Австрии, Швейцарии и Германии.

– Ещё сорок минут, дорогой, – сказала она, мельком взглянув на Арехина.

Дома они не готовили. Максимум – взятые из служебного буфета бутерброды. Сегодня бутербродов не было. Но были замечательные грецкие орехи.

За эти сорок минут он успел слегка освежиться, заварить чай в довоенном серебряном «Cafeolette», выпить два стакана – без сахара, и посидеть в кожаном мягком кресле.

– Вот и готово, – Анна-Мария развивала в себе пунктуальность. Если сказала «сорок минут», значит сорок минут возьми и отрежь, даже если работа требовала двадцати.

– Газеты свежие?

– Немецкие? Третьего дня. И старше. А что? И почему от тебя пахнет порохом?

– Порохом пахнет, потому что была стрельба. А газеты скоро будешь изучать свежайшие: мы едем в Швейцарию.

– Чьё решение? – только и спросила Анна-Мария.

– Исполкома Коминтерна и лично товарища Збарского.

Товарищ Збарский был видным, но пока ещё не выдающимся деятелем международного коммунистического движения.

– Когда ехать?

– Завтра. Броня на поезд до Риги, затем по усмотрению. Швейцария, Франция, я бы даже Аргентину не исключил.

– Документы, деньги?

Он передал ей пакет:

– На первое время.

– Что ж, поедем. – Анна-Мария не раз и не два ездила по заданиям Коминтерна, но всё больше в лимитрофы. – А дальше?

– В Женеве получишь инструкции. Вообще, в этом деле главная – ты.

– А ты?

– Я – предлог для поездки. Еду играть в шахматы, добиваться чемпионского звания. Сама понимаешь, играть в шахматы, кочуя с турнира на турнир, можно всю жизнь.

– Очень удобно, – согласилась Анна-Мария. – Но что на самом деле составляет твою цель, мне знать нельзя?

– Почему же нельзя. Да и трудно не догадаться. Цель у нас с тобой одна – мировая революция.

Арехину не нравилось, что он говорил, а, главное, как он говорил. Но для Анны-Марии, похоже, слова звучали совершенно естественно. Она, Анна-Мария, была в первую очередь революционеркой, да и во вторую тоже, и не видела ничего плохого в том, чтобы стать видной революционеркой. Он, собственно, ничего плохого в том тоже не видел, но слишком уж менялись при этом люди. Он изменился, Анна-Мария изменилась, изменились и отношения. Стали товарищескими. Ещё немного – и перейдут в партийные. А для партийных отношений вовсе не требуется жить вместе и делить постель.

Собирались они отдельно. Да что и собирать: один чемо-

дан Арехина, один – Анны-Марии. Самое необходимое. Что могут везти в Женеву из России одна тысяча двадцать первого года советские служащие, люди скромные до аскетичности? И уж тем более, после. Потом, когда новая экономическая политика окрепнет, даст видимые плоды, будут и роскоши, а пока – прожиточный минимум и чуть сверху: смокинг, галстук-бабочка, три шелковые сорочки. Анна-Мари в одежде ещё скромнее: ей же не участвовать в международных конгрессах гроссмейстеров.

– Мы вернёмся?

– В Россию? Полагаю, вернёмся, но не думаю, что в ближайшие годы.

– Да, меня Збарский инструктировал: устраиваться в Женеве основательно.

Значит, её уже инструктировали. А он и не знал. Что он ещё не знает? Втёмную используют, втёмную, прав Троцкий.

– Ты должен уйти?

– К полуночи, – ответил Арехин. – Ненадолго, а, впрочем, как получится.

В полночь он и ушёл. Что делать, если другого случая, действительно, может и не представиться.

Григорий ждал у подъезда. Дворник, скрывая недовольство, отпер ворота, и они покатали по ночной Москве. Ехали с шиком: Григорий зажег оба карбидных фонаря, и конусы света разгоняли тьму на сотню шагов вперед. Светоносный экипаж. Сзади слегка пахло свежим машинным мас-

лом: Григорий оружие чистил прежде, чем сапоги. А сапоги Григория давали света не меньше, чем фонари.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.